

НАТУРАЛИЗАЦИЯ УКРАИНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В БОЛГАРИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Валерий Власенко

Трагические общественно-политические и военные события конца 2013 – начала 2015 гг. в Украине привели к миграции большого количества людей из Донбасса и Автономной Республики Крым. Одна часть беженцев выехала в другие регионы страны, другая – в Россию или иные страны. Некоторые из тех, кто оказался за пределами Украины, пытаются натурализоваться, то есть приобрести иное гражданство. Поэтому актуальным, на наш взгляд, является опыт существования в Европе украинской эмиграции в период между Первой и Второй мировыми войнами. Эмиграция возникла в результате поражения национально-освободительной борьбы 1917 – 1921 гг. Украинцы выезжали за пределы Родины в нескольких направлениях. Многие из них направлялись из Украины, Крыма и Северного Кавказа в Константинополь и балканские страны, а оттуда в другие государства Европы¹.

---

¹ Работа выполнена в рамках госбюджетной темы «Историческое развитие порубежья Северо-Восточной Украины как способ конструирования общенациональной модели исторической памяти» Сумского государственного университета (номер государственной регистрации 15.01.10 - 01.15/17 ЗФ)

Среди стран, принявших наибольшее количество эмигрантов из Украины и России, была Болгария. История украинской эмиграции в этой стране еще не нашла широкого освещения в научной литературе. В украинской историографии освещены такие ее аспекты, как волны эмиграции в Болгарию,² пребывание там военнопленных украинцев,³ деятельность отдельных общественных эмигрантских организаций⁴ и лидеров эмиграции,⁵ общественные и культурные акции эмигрантов в Болгарии.⁶

² Срібняк, І. Початки української військової еміграції на Балканах (1921-1923 рр.). *Військово-історичний альманах*, Київ, 2006, №. 2, с. 45–55; Власенко, В. Перша хвиля міжвоєнної української політичної еміграції до Болгарії. *Българска україністика*, София, 2013, бр. 3, с. 172–184 <<http://essuir.sumdu.edu.ua/handle/123456789/32980>> Власенко, В. Друга хвиля міжвоєнної української політичної еміграції у Південно-Східній Європі. *Сумська старовина*, 2013, №. 40, с. 22–35.

<<http://essuir.sumdu.edu.ua/handle/123456789/34204>>

³ Срібняк, І. *Українці на чужині. Полонені та інтерновані вояки-українці в країнах Центральної та Південно-Східної Європи: становище, організація, культурно-просвітницька діяльність (1919 – 1924 рр.)*. Київ, 2000.

⁴ Павленко, В. *Українсько-болгарські взаємини 1918 – 1939 рр.* Київ, 1995; Власенко, В. М. Українська громада в Болгарії (за матеріалами паризького тижневика «Тризуб»). *Сумська старовина*, 2011, №. 35, с. 14–27; <<http://essuir.sumdu.edu.ua/handle/123456789/33146>> Власенко, В. М. Філія Українського національного козацького товариства у Болгарії (1923 – 1936) за матеріалами болгарського і чеського архівів. *Дриновський збірник*, Харків-С., 2012, Т. 5, с. 428–443. <<http://essuir.sumdu.edu.ua/handle/123456789/29364>>

⁵ Степовик, Д. *Скульптор Михайло Парашчук: життя і творчість*. Торонто-Едмонтон-Київ, 1994; Хакова, Е., Москаленко, В. *Проф. Михайло Іванович Парашчук. Скульптор и общественно-политически деец (1878 – 1963): Научно-инвентарен опис на личния архив на проф. Михайло Парашчук ЦДА на Р. Б. Ф. 1717К. С.*, 2007; Власенко, В. До громадсько-політичної діяльності Василя Філоновича у Болгарії у 1921-1922 рр. *Київська старовина*, 2010, №. 6, с. 97–115. <<http://essuir.sumdu.edu.ua/handle/123456789/25020>>

⁶ Власенко, В. Н. Шевченковские дни украинской политической эмиграции в Болгарии в межвоенный период (по материалам парижского еженедельника «Тризуб»). *Сумський історико-архівний журнал*. 2012, №. 18–19, с. 18–24; <<http://essuir.sumdu.edu.ua/handle/123456789/30046>> Власенко, В. 3

В российской историографии украинскую эмиграцию в Болгарии или вообще не выделяют, или считают ее неотъемлемой частью российской. Такой же точки зрения придерживается и сербский историк М. Йованович.⁷ На существование так называемого «украинского вопроса» среди русской эмиграции вообще и в балканских странах в частности обращают внимание лишь В. Косик⁸ и В. Шнирельман.⁹

Среди болгарских исследователей русской эмиграции, которые указывают на наличие отдельных украинских эмигрантских организаций и прессы, следует назвать Д. Даскалова и Ц. Кёсева. При этом оба называют руководителей украинских эмигрантских организаций деятелями русской эмиграции,¹⁰ которые на самом деле были ее оппонентами. Заметим, что Ц. Кёсева указывает на национальную обособленность украинцев от российской эмиграции.¹¹ Впервые в Болгарии об украинской эмиграции как об

історії встановлення пам'ятника М. Драгоманову в Софії. *Българска україністика*. С., 2012, бр. 2, с. 126–135.

<<http://www.bgukrainistika.com/widgets/Filemanager/uploads/anon/ALMANAH2.pdf>>

⁷ Йованович, М. *Русская эмиграция на Балканах: 1920 – 1940*. М., 2005, с. 136–139.

⁸ Косик, В. И. Украинский вопрос и проблема «балканизации» России в среде русских эмигрантов в 1930-е годы: в связи с выходом в свет сборника документов «Чему свидетели мы были». *Славяноведение*, М., 1999, №. 4, с. 64–70.

⁹ Шнирельман, В. А. Русские, нерусские и евразийский федерализм: Евразийцы и их оппоненты в 1920-е годы. *Славяноведение*, 2002, №. 4, с. 3–20.

¹⁰ Даскалов, Д. *Бялата емиграция в България*. С., 1997, с. 161–166; Кьосева, Ц. Русские художники-эмигранты в Болгарии. *Славяноведение*, 1996, №. 4, с. 21, 23.

¹¹ Кёсева, Ц. *Болгария и русская эмиграция: 1920 – 1950-е годы*. М., 2002, с. 13–14.

общественном явлении речь шла в документально-публицистической работе журналиста и историка П. Мангачева.¹²

В нашей работе мы не рассматриваем украинскую эмиграцию вообще, а лишь ее политическую часть. Эта та часть эмиграции, которая была политически мотивированной, идеологически определившейся, организационно структурированной и исповедовала идею создания украинской государственности в различных ее формах. Именно поэтому автор ставит своей целью охарактеризовать такой аспект истории украинской политической эмиграции, как процесс натурализации эмигрантов на примере Болгарии.

Украинская эмиграция в Болгарии сформировалась в результате трех эмиграционных волн (1918 – 1921 гг.). Наиболее массовая волна состоялась осенью-зимой 1920 г. после разгрома армий Украинской Народной Республики и генерала Врангеля. На протяжении всего межвоенного периода украинской эмиграции были присущи миграционные процессы. Они происходили как в пределах отдельной страны, так и всего балканского полуострова. Однако интенсивность этих процессов, по сравнению с началом 1920-х годов, была намного меньше.

Поскольку в Болгарии местные власти не выделяли украинцев из общероссийской эмигрантской среды, то стоит охарактеризовать изменения количественных показателей эмиграции из бывшей Российской империи, в том числе и из

---

¹² Мангачев, П. *Украинската емиграция в България през периода между двете световни войни (1918 г. – 1944 г.)*. С., 2011.

Украины, на протяжении всего межвоенного периода. Наиболее подробно этот вопрос освещен в работах М. Йовановича. Автор использовал данные переписей населения 1926 и 1934 гг. в Болгарии, сообщения Ф. Нансена секретариату Лиги Наций в июле 1924 г. и 9-й сессии Лиги Наций. В 1922 г. в Болгарии находилось 34 тыс. эмигрантов, 1924 г. – 30 тыс., 1926 г. – 28,3 тыс., 1927 г. – 26,5 тыс., 1928 г. – 25,9 тыс., 1929 г. – 24,5 тыс., 1934 г. – 20 тыс., в 1936 – 1937 гг. – 16,5 тыс, в 1937 – 1938 гг. – 15,5 тыс. эмигрантов.¹³ Такую же тенденцию сокращения количества эмигрантов в Болгарии фиксировали Д. Даскалов¹⁴ и Ц. Кёсева.¹⁵

По-разному оценивали количество украинских эмигрантов российские советские учреждения и сами украинские эмигранты. По данным контрольной комиссии миссии Российского общества Красного Креста в Болгарии о состоянии и политических настроениях русской эмиграции от 1 августа 1923 г., в стране находилось около 10 тыс. украинцев, из которых 5 тыс. человек зарегистрировались в Посольстве УНР и соответственно были сторонниками С. Петлюры. Вторую часть украинцев составляли те лица, которые хотя и находились под влиянием русских эмигрантских организаций, однако делали это исключительно через материальные выгоды.¹⁶

¹³ Йованович, М. *Цит. съч.*, с. 123.

¹⁴ Даскалов, Д. Профессионален и културен профил на бялата емиграция в България – В: *Бялата емиграция в България*. С., 2001, с. 71.

¹⁵ Кьосева Ц. Руската емиграция и Българската държава (20-те – 50-те години на XX в.) – В: *Бялата емиграция в България*. С., 2001, с. 58, 62.

¹⁶ *Русская военная эмиграция 20-40-х годов. Документы и материалы*. Т. 3: Возвращение... 1921 – 1924 гг. М., 2002, с. 396.

Противоречивыми были свидетельства самих украинских эмигрантов. Так, в мае 1925 г. «Украинский вестник» сообщал, что в Болгарии проживало не менее 1 тыс. украинских эмигрантов.¹⁷ Весной 1928 г. известный украинский общественный деятель Иван Боберский говорил о 22 тыс. эмигрантов (так называемых «малороссов»), которые оказались в Болгарии в результате эвакуации из Крыма армии Врангеля.¹⁸ В первом случае речь шла об украинцах, публично признавших свою национальность, во втором – об уроженцах и жителях Украины, которые политически не отделяли себя от России и соответственно от русской эмиграции. Малороссы признавали свое отличие от русских лишь в языке и культуре. Получается, что удельный вес малороссов составлял почти 85% от общего количества эмигрантов из России. И. Боберский, по нашему мнению, явно зависил их количество.

Другие данные о количестве украинцев привел представитель военного министерства УНР в Болгарии, делегат от местной Украинской общины полковник Б. Цыбульский на I Конференции украинской эмиграции, состоявшейся 25-26 июня 1929 г. в Праге. Он утверждал, что в 1922 г. в Болгарии находилось более 30 тыс. эмигрантов из России, в начале 1929 г. – не более 10 тыс. человек.¹⁹ Удельный вес уроженцев Украины, Кубани и Дона, то есть, по его выражению, «украинского этнографического элемента», равнялся 70 %.

¹⁷ Н. Н. Українська справа в Болгарії (Від нашого кореспондента). *Український вістник*. Прага-Подєбради, 1925, Т. 1 (травень), с. 30.

¹⁸ Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВО), ф. 4379, оп. 1, спр. 5, арк. 32.

¹⁹ Б. Цыбульский ошибся. На самом деле в 1929 г. в Болгарии, по данным местных властей, международных и российских организаций, эмигрантов из России было от 19 тыс. до 24,5 тыс. человек.

Именно поэтому тогдашняя украинская эмигрантская пресса распространила информацию о наличии в Болгарии 7 тыс. украинцев.²⁰ Однако, по мнению Б. Цыбульского, в начале эмиграции украинцев, сознательно и публично признавших себя такими, было не более 2 тыс. человек, а украинской сознательной интеллигенции - около 200 человек.²¹

Бывший председатель Союза украинских организаций в Болгарии и Украинской общины в Болгарии Яков Малиновский утверждал, что в 1937 г. в этой стране находилось примерно 14 тыс. украинцев, в том числе в Софии – 4 тыс. человек²². Речь шла обо всех выходцах из Украины – сознательных, малосознательных, несознательных или малороссов.

Итак, в межвоенный период в Болгарии количество эмигрантов, сознательно и публично признавших себя украинцами, колебалось в пределах 1–2 тыс. человек с тенденцией к сокращению. В несколько раз больше было так называемых малороссов. Уменьшение количества украинских эмигрантов было вызвано такими факторами, как репатриация, реэмиграция, естественные потери (смерть), ассимиляция и натурализация.

Проблема натурализации или приобретения иностранного гражданства является многоаспектной. Во-первых, на международном уровне решение вопроса беженцев возлагалось на Лигу Наций (ЛН). С этой целью 27 июня 1921 г. сессия Совета ЛН учредила пост Верховного комиссара по

²⁰ 1-а конференція української еміграції в Празі і Головна Еміграційна Рада. *Тризуб*, Париж, 1929, №. 50, с. 13.

²¹ *Українська політична еміграція 1919 – 1945: Документи і матеріали*. Київ, 2008, с. 354-355.

²² *Українське життя в Болгарії. Час*, Чернівці, 1937, 26 жовтня, с. 2.

делам беженцев. Его занял норвежский исследователь Фритъоф Нансен. В 1924 г. в связи с увеличением объема деятельности института Верховного комиссара его заменили (формально) службой Верховного комиссариата ЛН по делам беженцев во главе с Ф. Нансеном. Комиссариат занимался делами преимущественно русских (из России) и армянских беженцев.

Главными его задачами были расселение, трудоустройство, урегулирование правового статуса беженцев, их репатриация. Одним из средств решения проблемы комиссариат считал натурализацию беженцев в странах-реципиентах. На 9-й ассамблее ЛН (1928) делегаты от Великобритании поставили вопрос о нецелесообразности существования Верховного комиссариата по делам беженцев. Было высказано мнение о кардинальном решении вопроса беженцев путем их репатриации или натурализации. В ответ Ф. Нансен указал на невозможность в тогдашних условиях осуществить как масштабную репатриацию, так и заставить эмигрантов выбрать иное гражданство. К тому же, не все страны-реципиенты желали предоставить эмигрантам гражданство. Эти аргументы были обоснованы и развиты на ряде заседаний межправительственных совещаний и Консультативного комитета при Верховном комиссариате по делам беженцев. Например, участники межправительственного совещания относительно правового статуса беженцев под эгидой Международного бюро труда (Женева, 28-30 июня 1928 г.) и межправительственной Консультативной комиссии (Женева, 16-18 октября 1929 г.)

заявили о том, что ни репатриация, ни натурализация не являются радикальными методами решения проблемы беженцев. Некоторые страны выбрали иной путь решения этой проблемы. Например, правительство Чехословакии способствовало созданию общественных организаций беженцев для удовлетворения их насущных потребностей.²³

О ложности позиции по решению проблемы беженцев путем репатриации и натурализации высказался Александр Шульгин на заседании Консультативного комитета Верховного комиссариата ЛН по делам беженцев, состоявшемся 15 февраля 1929 г. в Женеве.²⁴ Однако Верховный комиссариат рекомендовал странам-реципиентам упростить процедуру получения гражданства.

Во-вторых, проблема натурализации решалась и на уровне правительств стран-реципиентов. В Болгарии процесс приобретения эмигрантами гражданства начался еще в 1921 г.²⁵ Тогда это были единичные случаи. До 1928 г. местная власть не препятствовала натурализации эмигрантов из России, однако и не предоставляла им какой-то специальный льготный режим. Болгарское подданство могли получить такие категории иностранцев, как лица, которым было разрешено постоянное проживание после трехлетнего пребывания в стране, жившие в Болгарии непрерывно 10 лет, проживавшие в стране менее 1 года, но предоставившие особые услуги

---

²³ Серапионова, Е. П. *Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20 – 30-е годы)*. М., 1995, с. 44.

²⁴ Женевець. Ліга Націй і справи еміграції (Лист із Женеві). *Тризуб*. 1929. №. 10, с. 11–12.

²⁵ Петрушева, Л.И. Болгария и российская эмиграция – В: *Болгария и российская эмиграция. 1920 – 1945 гг. Историко-документальная выставка. Каталог выставки*. М., 2007, с. 12.

государству, состоящие в браке с болгаркой или болгаринном, через год после вступления в брак.²⁶

Специальные льготы предоставлялись лишь беженцам, находившимся на государственной службе, и решение об их зачислении на службу принималось Народным собранием Болгарии. Для таких лиц предусматривался трехлетний стаж работы. Размер платы за получение болгарского подданства составлял 300 левов. Правительство Демократического согласия не поддержало безоговорочно рекомендации Лиги Наций о массовой натурализации эмигрантов, сосредоточив основное внимание на их реэмиграции и репатриации. В 1925 г. правительство увеличило размер платы за получение подданства до 5 тыс. левов, что помешало натурализации необеспеченных слоев эмиграции. Украинские эмигранты утверждали, что размер такой платы достигал и 6 тыс. левов.²⁷ По данным Ц. Кёсевой, в 1921 – 1928 гг. в Министерство юстиции Болгарии поступило от российских эмигрантов 679 просьб о принятии в болгарское подданство и от армянских эмигрантов – 283. В 1921 г. от обеих групп вместе было удовлетворено 9 таких просьб, 1922 г. – 49, 1923 г. – 141, 1924 г. – 77, 1925 г. – 39, 1926 г. – 122, 1927 г. – 157, 1928 г. – 145. Большинство желающих получить болгарское подданство составляли лица, находившиеся на государственной службе или в браке с болгарскими подданными. С середины 1920-х гг. в связи с политикой

---

²⁶ Закон за българското поданство. *Държавен вестник*, С., 1904, бр. 3 (от 5.01).

²⁷ Цибульський, Б. Лист із Болгарії. *Тризуб*, 1929, №. 36, с. 17.

защиты национального рынка труда постепенно возрастало и количество желающих получить болгарское подданство.²⁸

22 марта 1929 г. в Закон о болгарском подданстве парламент внес дополнения, касающиеся только русских эмигрантов. Размер платы за получение подданства уменьшался с 5 тыс. левов до 500 левов и отменялись требования по сроку стажа работы на госслужбе. Болгарским подданным мог стать любой русский эмигрант (из России), прибывший в Болгарию до 1 января 1929 г.²⁹

Например, в 1934 г. председатель ревизионной комиссии Украинского общества в г. Видин Никифор Суценко потратил на получение болгарского подданства 680 левов, из которых 200 левов пошло на оплату услуг человека, ходившего по его поручению по соответствующим столичным учреждениям.³⁰ Другим важным моментом этого акта было нежелание болгарских властей выделить украинских эмигрантов из общероссийского эмигрантского сообщества.³¹

В-третьих, идея приобретения иного гражданства распространилась и в эмигрантской среде. Этот вопрос обсуждался на страницах эмигрантской прессы разных политических лагерей, в том числе еженедельника «Тризуб» (орган правительства УНР в изгнании)³² и ежемесячника

²⁸ Кёсева Ц. *Цит. съч.*, с. 125–127.

²⁹ Закон за допълнение закона за българското поданство. *Държавен вестник*, С., 1929, бр. 54 (от 7.06).

³⁰ Централен държавен архив на Република България (ЦДАБ), ф. 1717К, оп. 1, а. е. 289, л. 19.

³¹ Кёсева Ц. *Цит. съч.*, с. 125–127.

³² Цибульський, Б. *Цит. съч.*, с. 16–19.

«Розбудова нації» (орган Провода українських націоналістів)³³ и др.

В Болгарии эта тема для украинской эмиграции стала актуальной, поскольку несколько местных украинцев приняло подданство этой страны. Эмигранты неоднократно обращались за разъяснениями по этому поводу к представителю военного министра УНР на Балканах Василию Филоновичу. Тот соответственно переадресовал вопрос правительству. Лидеры эмиграции перекладывали решение перехода в иное гражданство на совесть каждого эмигранта, не осуждая его за этот шаг.³⁴ Лишь через несколько лет отношение правительства УНР в изгнании к проблеме натурализации украинцев в странах пребывания подробно было изложено на страницах парижского еженедельника «Тризуб».³⁵ В середине 1930-х гг. натурализация стала уже распространенным явлением среди украинской эмиграции. В 1934 г. при содействии председателя управы Украинской общины в Болгарии (София) Михаила Паращука в болгарское подданство перешел не только один из руководителей Украинской общины в г. Видин Н. Сущенко, но и его жена-украинка.³⁶

Причин перехода украинцев в иное гражданство было несколько. Так, накануне I Конференции украинской эмиграции в Праге ее будущий делегат от нескольких

³³ Націоналіст. Лист з Болгарії. *Розбудова нації*, 1929, №. 6–7, с. 246–247.

³⁴ Центральний державний архів громадських організацій України (ЦДАГО), ф. 269, оп. 2, спр. 272, арк. 96–97.

³⁵ В. С. З життя й політики. *Тризуб*, 1932, №. 41, с. 17–21.

³⁶ ЦДАБ, ф. 1717К, оп. 1, а. е. 289, л. 4, 19.

украинских организаций Б. Цыбульский информировал В. Филоновича о дифференциации украинской эмиграции, в том числе и по вопросу натурализации. Он выделил несколько групп.

К первой, небольшой по количеству, принадлежали преимущественно представители интеллигенции и служащие учреждений, заведений торговли и промышленных предприятий. Кое-кто имел собственный бизнес. Несколько человек вступили в брак с болгарками. Большинство из этой группы, а особенно те, кто работал в государственных учреждениях, приняли болгарское подданство, но это их «не сдерживало относительно поворота на родину, когда для того придет время».

Вторую группу составляли те, кто женился на болгарках. Это были крестьяне и выходцы из небольших городков Украины. Многие из них осели в сельской местности, имели собственное хозяйство. Обзаведясь семьей и детьми, они уже не очень беспокоились о возврате на Родину. Наоборот, женатые на болгарках украинцы, которые работали на предприятиях в городах, пытались выехать в другие страны, особенно во Францию.

К третьей группе принадлежали остальные эмигранты, преимущественно холостые, рассматривавшие пребывание в Болгарии как временное явление. Именно эта группа составляла основной контингент желающих реэмигрировать в другие страны.³⁷

---

³⁷ ЦДАГО, ф. 269, оп. 2, спр. 272, арк. 134–134зв.

Одна часть украинских эмигрантов рассматривала вопрос приобретения гражданства иного государства с точки зрения улучшения материального и правового положения, повышения социального статуса, надеясь на безбедную пенсию. Именно о таких мотивах натурализации речь шла в переписке бывшего председателя управы Украинской общины в Болгарии Панаса Романюка и В. Филоновича.³⁸ Да и сам представитель военного министра УНР на Балканах, проживая в Чехословакии, подавал ходатайство о приеме его в чехословацкое гражданство,³⁹ но тщетно.

Вторая часть видела в натурализации вынужденный шаг, поскольку в противном случае эмигранты могли потерять работу и соответственно средства к существованию. Так, в письме члена Украинской общины в Болгарии П. Гайдима к В. Филоновичу от 8 декабря 1931 г. говорилось о приказе центральной болгарской власти уволить всех работников-иностранцев с лесопилки (тартак) Балабанова в с. Кочериново. Поскольку ни директор лесопилки, ни его хозяин не захотели иметь дело только с болгарами, то предложили украинским и русским эмигрантам принять болгарское подданство или уволиться с работы. Часть из них согласилась, остальные подали заявления на увольнение. Затем власти разрешили оставить на предприятии 100 человек из 152 иностранцев. В конце концов, были уволены только 30 человек, в том числе и несколько украинцев⁴⁰.

---

³⁸ ЦДАГО, ф. 269, оп. 2, спр. 278, арк. 116–116зв.

³⁹ ЦДАГО, ф. 269, оп. 2, спр. 282, арк. 188.

⁴⁰ ЦДАГО, ф. 269, оп. 2, спр. 277а, арк. 149.

Вопрос принятия эмигрантами болгарского подданства в период мирового экономического кризиса 1929-1932 гг. поднял М. Паращук на II Конференции Украинского главного эмиграционного совета, состоявшейся в 1932 г. в Праге. Он отметил, что в связи с экономическим кризисом положение эмиграции становится очень тяжелым, почти трагическим. Прошлая зима была для эмиграции голодной зимой, но ее нельзя сравнить с нынешней. Люди обречены на голодную смерть. Эмигрантов массово увольняют под предлогом отсутствия разрешения Министерства труда. Если же оно есть, то эмигранту обещают взять на работу при условии принятия болгарского подданства. Но когда эмигрант примет подданство, то его все равно уволят, поскольку на его место уже претендует несколько местных граждан. То есть эмигранты оказывались в безвыходном положении.⁴¹

Третья часть приняла иное гражданство вследствие брака с туземцами. Так, в 1934 г. председатель управы Украинского общества в г. Видин Иван Литвинов сообщал М. Паращуку о том, что многие украинцы поженились, обзавелись хозяйством и разуверились в возможности когда-нибудь вернуться домой.⁴²

Таким образом, на протяжении всего межвоенного периода количество украинских эмигрантов в Болгарии постепенно уменьшалось. Главными факторами этого процесса были репатриация, особенно в первой половине 1920-х гг., реэмиграция, преимущественно во второй половине 1920-х гг.

---

⁴¹ ЦДАБ, ф. 1717К, оп. 1, а. е. 415, л. 5.

⁴² ЦДАБ, ф. 1717К, оп. 1, а. е. 682, л. 7-7об.

в страны Центральной и Западной Европы, ассимиляция, биологическое вымирание и приобретение иностранного гражданства. Последний фактор был многоуровневый. Вопрос приобретения эмигрантами болгарского подданства решался на уровне как соответствующих учреждений Лиги Наций и правительства Болгарии, так и самими эмигрантами. Во время мирового экономического кризиса и особенно сразу после него натурализация эмигрантов в Болгарии стала обычным явлением. Пойти на этот шаг эмигрантов побудила возможность устроиться на работу, занять должность госслужащего или приобрести землю.

NATURALIZATION INTERWAR UKRAINIAN EMIGRATION IN BULGARIA

Valeriy Vlasenko

The research describes the process and obtaining Bulgarian citizenship during the interwar period by Ukrainian emigrants. The article presents a deep analysis of the reasons and factors of naturalization, and goes through the stages of the process indicating the main problems and methods of its solution. Naturalization and citizenship related issues were handled by the League of Nations, Bulgarian authorities and Ukrainian emigrants.